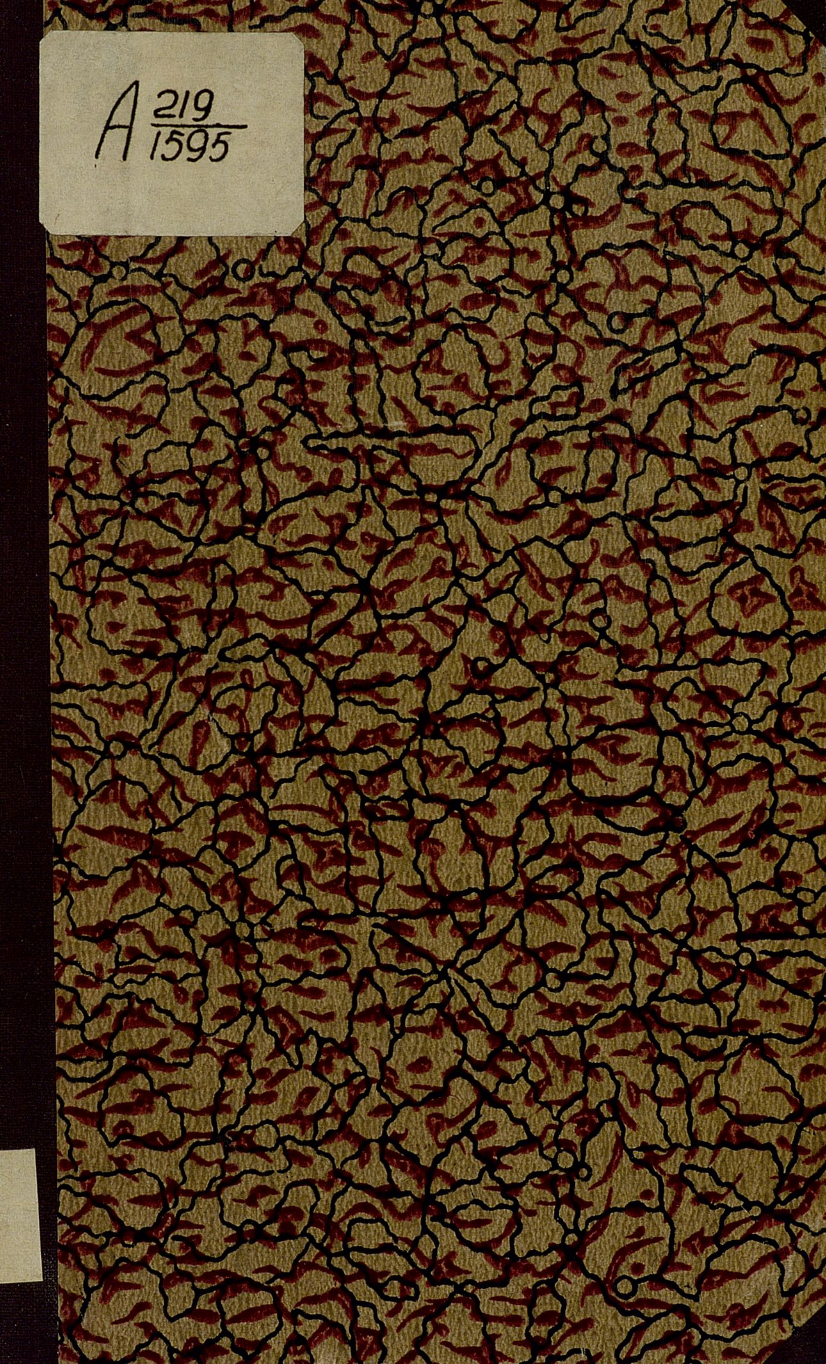

2011137220

Графинѣ Аннѣ Егоровнѣ Толстой отъ автора.

СМОЛЕНСКЪ

И

ЕГО ПРЕДАНІЯ О ДВѢНАДЦАТОМЪ ГОДѢ.

(Посвящается княгинѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ Дондуковой-Корсаковой.)

Смоленскъ построенъ на горахъ и среди горъ что придаетъ ему особенно красивый видъ и спасаетъ его отъ пошлаго характера большей части губернскихъ городовъ. Какая картинность и какое разнообразіе! Зданія, живописные овраги, масса садовъ, Днѣпръ въ своихъ крутыхъ или отлогихъ берегахъ ласкаютъ поочередно взоръ. Но если вы хотите видѣть городъ во всей его красѣ, войдите на Веселуху *, и вы будете глядѣть и не наглядитесь на панораму раскинувшуюся у вашихъ ногъ. Надъ кирпичными зубцами древней крѣпости зеленѣютъ молодыя березки. Ея стѣны, покрытыя мѣстами мхомъ и пересѣченныя многочисленными башнями, повинуются неровностямъ почвы, то спускаясь круто къ рѣкѣ, то подымаясь высоко надъ ней. Церкви и дома разсѣяны по горамъ, среди зелени погруженной въ тѣнь или ярко освѣщенной солнцемъ, а тамъ, далеко, блеститъ надъ деревьями золотой крестъ памятника воздвигнутаго славѣ

* Веселуха—одна изъ крѣпостныхъ башенъ.

Двѣнадцатаго Года. Какъ живописны тропинки пересѣкающія луговины! Какъ красиво смотритъ отсюда мостъ повисшій надъ Днѣпромъ, и какъ хорошъ самый Днѣпръ, такъ любимый нашими древними пѣвцами!

Кто намъ повѣдаетъ тайны твоего прошлаго, старый Смоленскъ? Когда, чьею волей, подъ чьею рукой возникъ ты изъ дремучихъ смолистыхъ лѣсовъ давшихъ тебѣ твое имя? Кто перенесъ сюда первый своего домоваго бога? На этихъ ли холмахъ дымились жертвенники въ честь Купалы? Какими пѣснями завлекали на Днѣпровское дно твои русалки запоздавшихъ путниковъ, и куда скрылся косматый лѣшій бродившій зимними ночами по темному бору?

Но прошлые вѣка оставили здѣсь свои слѣды съ той минуты когда пропали лѣшіе и русалки, когда свѣтъ христіанской проповѣди озарилъ полудикое племя. До сихъ поръ еще показываютъ холмъ гдѣ стоялъ княжій дворъ, до сихъ поръ молятся во храмахъ гдѣ молились наши дѣды и любуются красотой Свирской церкви, о которой говоритъ древній лѣтописецъ что „такое жь нѣсть въ полунощной странѣ... и иконы, и златомъ и серебромъ, и жемчюгомъ, и каменіемъ драгымъ украшена...“ Время не сокрушило ея массивныхъ стѣнъ и столбовъ. Она поражаетъ таинственнымъ характеромъ храмовъ прошлыхъ вѣковъ. Узкія рѣшетчатыя окна, пробитыя высоко въ стѣнахъ, проливаютъ въ нее такой скудный свѣтъ что лишь при яркомъ солнцѣ можно разглядѣть живопись иконостаса.

Богобоязливый соорудитель этой церкви, князь Давидъ Ростиславичъ, посвятилъ ее Архистратигу Михаилу, но при императрицѣ Аннѣ къ ней прибавили придѣлъ во имя Александра Свирскаго, и съ тѣхъ поръ самая церковь и даже предмѣстье, гдѣ она стоитъ, называются Свирскими. Въ числѣ другихъ древностей можно видѣть въ ней гробъ выдолбленный въ камнѣ. Онъ былъ найденъ въ тридцатыхъ годахъ, среди развалинъ Борисо-Глѣбскаго монастыря, подъ каменнымъ сводомъ. Во гробѣ лежалъ человѣческій остовъ; его похоронили на церковномъ кладбищѣ, но никакая надпись не повѣдала потомству имени которое онъ носилъ когда-то между людьми. Неоспоримо лишь то что каменный гробъ былъ большою роскошью, и врядъ ли кого въ немъ хоронили, за исключеніемъ князей. Ужь не останки ли Давида Ростиславича покоятся послѣ стольхихъ вѣковъ подъ сѣнію храма

сооруженнаго княземъ и особенно имъ любимаго, какъ утверждаетъ древняя лѣтопись: „по вся дня входя въ церковь Архистратига Михаила?" Изъ той же лѣтописи мы видимъ что по кончинѣ его въ апрѣлѣ 1197 года „Епископъ же Смоленскій Симіонъ и вси игумени, и попове, и сыновецъ его (племянникъ) Мстиславъ Романовичъ и все бояре положиша тѣло его въ церкви Св. мучениковъ Бориса и Глѣба".

Уцѣлѣли въ Смоленскѣ многія другія древнія церкви. Въ иныхъ можно еще видѣть католическія изображенія, сохранившіяся отъ того времени когда наши храмы были обращены въ костелы. Вообще весь городъ носитъ свой особый характеръ, въ которомъ звучитъ отголосокъ болѣе или менѣе отдаленнаго прошлаго. Грозно еще возвышается, несмотря на слѣды непріятельскихъ набѣговъ, Годуновская крѣпость со своими бойницами, зубцами и башнями. Въ ея составъ вошли мѣстами огромные земляные валы, которыми былъ вдревле обнесенъ городъ. Первоначально въ ней считалось 36 башенъ, изъ которыхъ уцѣлѣли до Двѣнадцатаго Года 28, кромѣ королевскаго бастіона построеннаго Сигизмундомъ. * Бѣжавшій отъ насъ Наполеонъ взорвалъ бастіонъ и 11 башенъ. Наши войска, вступивъ въ городъ по уходѣ непріятеля, нашли и подъ остальными бочки пороха и фитили. Крѣпость окружена широкимъ рвомъ. Въ нее входили девятью воротами, изъ которыхъ осталось лишь трое.

Самое красивое зданіе въ городѣ Успенскій соборъ. Къ нему подымаются нѣсколькими лѣстницами вдѣланными въ высокой горѣ. Онъ замѣчателенъ какъ своимъ великолѣпіемъ, такъ и воспоминаніями нераздѣльно связанными съ его именемъ.

Онъ былъ заложенъ Владиміромъ Мономахомъ въ 1101 году и строился въ продолженіе двухъ лѣтъ. Просторный каменный храмъ не былъ еще освященъ когда Мономахъ во главѣ русскихъ князей одержалъ полную побѣду надъ Половцами и вошелъ торжественно въ Смоленскъ съ богатою добычей похищенной у враговъ. Великій князь освятилъ немедленно соборъ и поставилъ въ него чудотворную икону Божіей

* Шесть башенъ были разобраны по ветхости, одна разрушена въ 1611 году и одна взорвана по неосторожности канонира въ царствованіе Анны Іоанновны.

Матери Одигитріи. По преданію, Константинъ Порфирородный благословилъ ею дочь свою Анну, выдавая ее за Всеволода Ярославича, а по смерти Всеволода икона перешла къ сыну его Мономаху. Украшенная жемчугомъ и богатыми каменьями, она стоитъ до сихъ поръ въ Успенскомъ соборѣ.

3 іюня 1611 года Поляки, простоявъ около двухъ лѣтъ предъ Смоленскомъ, вломились въ его крѣпость и завязалась на улицахъ, на площадяхъ, на крѣпостныхъ стѣнахъ города, послѣдняя кровавая сѣча. Улица на которой происходилъ самый ожесточенный бой называется до сихъ поръ Рѣзницкою. Гудѣли колокола и шло молебствіе въ церквахъ, куда стекались плачущіе старцы, женщины, дѣти. Многіе изъ купцовъ и гражданъ заперлись со своими семействами, со своимъ богатствомъ и пороховою казной въ Успенскій соборъ. Они ждали.... Наконецъ долетѣли до нихъ ликующіе крики: врагъ одолѣвалъ и стремился къ собору! Тогда они подожгли порохъ, и пятисотлѣтній Мономаховъ храмъ взлетѣлъ на воздухъ.

Прошло 44 года. Царь Алексѣй Михайловичъ, облеченный въ ратные доспѣхи и окруженный многочисленною свитой, готовился въѣхать въ Смоленскъ, изъ котораго выступали польскіе полки. Они останавливались предъ государемъ и клали свои знамена къ его ногамъ. Присоединивъ окончательно къ Россіи ея родовое наслѣдіе, благочестивый царь позаботился немедленно о томъ чтобы воздать должное Богу даровавшему ему побѣду. Наши монастыри и церкви, преобразованные въ католическіе, были снова обращены въ православные и на мѣстѣ прежняго Успенскаго собора заложенъ новый. Не жалѣлъ на него своей казны Алексѣй Михайловичъ, однако работы были не разъ пріостановлены по недостатку денегъ, и соборъ строился цѣлыхъ 63 года. Его поддерживаютъ четыре громадные четвероугольные столба. Около одного изъ нихъ—каѳедра, къ которой ведетъ узенькая лѣстница, около другаго—царское мѣсто, а на возвышеніи икона Божіей Матери Одигитріи, вынесенная изъ храма во время польской осады и реставрированная царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, какъ видно изъ надписи стоящей на оборотѣ. Огромный иконостасъ украшенъ позолоченною рѣзьбой, какъ и нѣкоторыя другія части храма. При Екатеринѣ II пристроена къ собору колокольня въ два яруса. Около нижняго—24 колонны, а около верхняго—16.

Соборная ризница не богата, но въ ней хранится серебря-

ный, вызолоченный потиръ съ замѣчательною надписью вырѣзанною кругомъ:

„Bartosz Nowodworski, Kawaler Maltański, po wzięciu Smo-„leńska, Bogu na czesć oddał“. *

На оборотѣ стоитъ другая надпись:

„Похищена Поляками въ Смоленскѣ въ 1611 году. Воз-„вращена начальникомъ Сѣверо-Западнаго края М. Н. Му-„равьевымъ въ 1864 году.“

Во время бомбардированія Смоленска Французами многіе его жители спасались въ Успенскій соборъ. Наполеонъ въ него вошелъ послѣ занятія города, оглядѣлся во всѣ стороны, и снялъ шляпу. Присутствовавшіе приписываютъ это движеніе невольному благоговѣнію которымъ онъ былъ проникнутъ при видѣ величественнаго храма. Императоръ велѣлъ переводчику шедшему за нимъ успокоить его именемъ всѣхъ несчастныхъ тутъ находившихся, потомъ осмотрѣлъ соборъ и приказалъ приставить къ нему стражу, чѣмъ спасъ его отъ грабежа.

Стоитъ еще надъ одними изъ городскихъ воротъ церковь посвященная имени Божіей Матери Смоленской. Она далеко не замѣчательна красотой архитектуры, за то наполнена воспоминаніями Двѣнадцатаго Года. На мѣстѣ воротъ возвышалась, во время оно, крѣпостная башня которую называли Днѣпровской, а въ ней стояла, подъ шатромъ, икона Одигитріи Божіей Матери, списанная въ большихъ размѣрахъ съ Мономаховской иконы. Въ 1727 году одинъ изъ смоленскихъ жителей, Плотовскій, получилъ позволеніе выстроить на мѣсто шатра деревянную церковь во имя Божіей Матери. Чрезъ два года она была освящена. Пріобщившись Св. Таинъ, храмоздатель, по окончаніи обѣдни, положилъ земной поклонъ предъ иконою Одигитріи, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ не подымался съ земли. Къ нему подошли: онъ былъ мертвъ.

Въ послѣдствіи башня была разобрана по ветхости и на ея мѣстѣ построены ворота, сохранившія названіе Днѣпровскихъ, а надъ ними каменная церковь Божіей Матери Смоленскія. Въ ней стоитъ попрежнему древній списокъ съ иконы Одигитріи.

---

* Бартошъ Новодворскій, кавалеръ Малтійскій, по взятіи Смоленска, Богу въ честь отдалъ.

Не дешево достался Смоленскъ Французамъ и не дешево обошлась намъ его оборона. Послѣ двухдневной ожесточенной борьбы всѣ понимали что мы не удержимъ города, и преосвященныйИриней вынесъ изъ Успенскаго собора икону Божіей Матери. * Шествіе, подъ градомъ ядеръ и бомбъ, сопровождалось плачущимъ народомъ. Городъ горѣлъ со всѣхъ сторонъ, но въ уцѣлѣвшихъ церквахъ шли праздничныя всенощныя наканунѣ Преображенія.

Вдругъ около Днѣпровскихъ воротъ поднялся крикъ: „Спасайте икону Заступницы." Нѣсколько солдатъ бросились къ надворному храму и вынесли ее. Она оставалась при арміи цѣлые три мѣсяца. Наканунѣ Бородинской битвы Кутузовъ приказалъ пронести ее по всему лагерю, и предъ ней служили молебны послѣ каждой побѣды.

Въ полночь того же дня когда она была спасена отъ непріятеля, наши получили приказаніе очистить городъ и переходить на правый берегъ Днѣпра. Они тихо отступили, вывозя по возможности раненыхъ, и перешедъ за мостъ сожгли его. **

На другой день Наполеонъ вступилъ въ Смоленскъ. Онъ подъѣхалъ къ надворотной церкви Божіей Матери, поднялся на лѣстницу и вошелъ во храмъ. Изъ стеклянныхъ дверей балкона видны были обгорѣлые остатки моста который

* Онъ увезъ ее въ Ярославль чрезъ Москву, гдѣ она стояла нѣсколько дней въ Архангельскомъ соборѣ.

** Отступленіе нашихъ сопровождалось потрясающими сценами. Вотъ нѣсколько строкъ которыя я заимствую изъ походныхъ записокъ моего отца:

„„... 5го. Лишь только начало разсвѣтать какъ непріятели приступили снова къ штурму города. Онъ былъ уже объятъ пламенемъ. Несчастные жители оставляли дома свои, имущество, и со слезами удалялись. У каждаго лежалъ камень на сердцѣ. Матери несли младенцевъ, и съ симъ бременемъ бѣжали куда глаза глядятъ. Ничто не можетъ быть ужаснѣе войны оборонительной, и въ своемъ отечествѣ. Я это испыталъ... Стенанія разоренныхъ жителей, лишенныхъ крова, и вопли невинныхъ раздираютъ сердце каждаго солдата. Бѣдная женщина—мать трехъ дѣтей, изъ коихъ двое были еще такъ малы что не могли ходить, будучи принуждена спасаться бѣгствомъ и не имѣя силъ нести обоихъ, убила своими руками одного изъ нихъ, и взявъ на плечи другаго оставила городъ. Вотъ картины которыя мы видѣли во время нашего отступленія.""

наши истребили за нѣсколько часовъ предъ тѣмъ. Съ правой стороны Днѣпра раздавались выстрѣлы: нѣсколько русскихъ орудій тревожили еще непріятеля. Наполеонъ приказалъ немедленно втащить въ церковь двѣ пушки, которыя поставилъ въ дверяхъ балкона, и наводилъ ихъ самъ на наши отступавшіе полки.

Поднявшись на лѣстницу этой церкви, посѣтитель останавливается невольно предъ плохою картиной висящею на стѣнѣ. Она изображаетъ икону Божіей Матери и войско колѣнопреклоненное предъ ней. Посрединѣ возвышается широкій бѣлый столбъ со слѣдующею надписью:

„Слався, Россія, вѣрными своими сынами-героями побѣдившими врага Бонапарта со многочисленнѣйшими его силами—двадцать народовъ и прогнавшими его, супостата, до чиста за предѣлы съ лица земли любезнѣйшаго своего отечества въ 1812 году.“

По одну сторону колѣнопреклоненной арміи изображена за иконой Сама Дѣва Марія, по другую архангелъ Михаилъ, съ огненнымъ мечемъ въ рукѣ. На верху Господь Саваоѳъ; возлѣ Него на облакахъ справа и слѣва трубящіе ангелы. Надъ ними надпись: „изображеніе достопамятнаго событія, близъ столицы Москвы, Августа мѣсяца 20 дня.“

Внизу картины двуглавый орелъ держитъ лавровый вѣнокъ, въ которомъ вы читаете: „всѣмъ соотчичамъ подвизавшимся доблестями противъ врага Бонапарта въ 1812 году генералъ-майоръ и командоръ, Семенъ Вистицкій.“

Наконецъ есть еще надпись по обѣимъ сторонамъ вѣнка: „Главнокомандующій, свѣтлѣйшій князь Михаилъ Кутузовъ - Голенищевъ Смоленскій, князь Михаилъ *Баркдайде-толи* *, князь Петръ Багратіонъ, квартирмейстеръ генералъ Вистицкій, близкій ихъ соучастникъ во всѣхъ распоряженіяхъ, со всѣмъ генералитетомъ *исъ* прочими чиновниками, и все войско съ колѣнопреклоненіемъ молятся иконѣ Смоленской Божіей Матери, призывая Ее, Пресвятую Богородицу, Заступницу, въ помощь побѣдить врага Бонапарта.

„Когда Россійское воинство совершало молебствіе иконѣ Смоленской Божіей Матери, въ то самое время врагъ Бонапартъ, со своими маршалами и со свитою, одоль рекогнистировали мѣста положенія предъ начатіемъ Бородинскаго крова-

---

* Мы сохранили вездѣ правописаніе надписи.

ваго сраженія, продолжавшагося рано съ утрія во весь день до полуночи, производившаго съ обѣихъ *старонъ* безпрерывно жаркою пушечною, ядрами и картечами изъ тысячи орудій пальбою, и безчисленностію ружейными выстрѣлами Августа 26 дня.“

Самая церковь походитъ на длинную комнату. По обѣимъ сторонамъ окна, а на Днѣпръ выходитъ балконъ съ котораго стрѣлялъ Наполеонъ. Два престола, иконостасы раздѣлены балдахиномъ, подъ которымъ стоитъ икона Одигитріи (путеводительницы) сопровождавшая наше войско. Риза украшена жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Бо́льшая часть ихъ была пожертвована въ память Отечественной Войны. Къ рамѣ придѣлана серебряная доска съ надписью:

„Сія чудотворная икона Пресвятой Богородицы Смоленскія Одигитріи при оставленіи города Смоленска россійскими войсками 1812 года, Августа 6 дня вынесена была изъ онаго третіею пѣхотную дивизіею Генерала Лейтенанта Коновницына, и во все время непріятельскаго обладанія городомъ, она сопутствовала оной дивизіи. А по изгнаніи непріятелей изъ Смоленска Ноября 5 дня икона, къ неизрѣченной радости жителей возвращена была того же Ноября 10 дня Лейбъ-гвардіи драгунскаго полка поручикомъ Шембелемъ.“

Когда наши проходили Смоленскомъ, послѣ очищенія его непріятелемъ, всѣ граждане сбѣжались на ея встрѣчу. По свидѣтельству очевидцевъ, не оставалось никого въ домахъ. Икона была поставлена на площади, и надъ трупами своихъ братьевъ, на развалинахъ своего города Смоляне служили предъ нею молебенъ. Не столько было промолвлено словъ молитвы, сколько пролито слезъ. Когда за чтеніемъ Евангелія священникъ произнесъ: „пробысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяца и возвратися въ домъ свой“, всѣ невольно переглянулись: икона взятая въ нашъ лагерь 5 августа, возвращалась въ Смоленскъ черезъ три мѣсяца изо дня въ день.

Однако войско пожелало оставить ее еще въ своихъ рядахъ пока не будетъ окончательно очищена вся губернія, и икона была окончательно возвращена въ Смоленскъ, изъ-подъ Краснаго, лишь 10 числа, при письмѣ генерала Коновницына главному духовному лицу оставшемуся въ городѣ. Онъ писалъ между прочимъ: „Войска, съ благоговѣніемъ зрѣли посреди себя образъ сей и почитали его благопріятнымъ залогомъ Всевышняго милосердія. Нынѣ же, когда Всемо-

гущій Богъ благословилъ Россійское оружіе и съ покореніемъ врага городъ Смоленскъ очищенъ, я, по волѣ главнокомандующаго всѣми арміями князя Михаила Илларіоновича Кутузова, препровождаю святую икону Смоленскія Божія Матери обратно, да водворится она на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней Русскій Богъ, чудесно карающій кичливаго врага нарушающаго спокойствіе народовъ. Съ симъ вмѣстѣ слѣдуютъ учиненные образу вклады и приношенія: 1.810 руб. ассигн., 5 червонныхъ золотыхъ и серебра въ лому отбитаго у непріятеля 1 пудъ."

Съ тѣхъ поръ служатъ ежегодно 5 ноября всенощную предъ иконою Божіей Матери Одигитріи.

Много кровавыхъ воспоминаній оставилъ въ Смоленскѣ Двѣнадцатый Годъ, но особенно болѣзненно дѣйствуетъ на душу видъ одинокой могилы въ крѣпостномъ рву. Надъ ней возвышается чугунный памятникъ съ надписью; „подполковнику Павлу Ивановичу Энгельгардту, умершему въ 1812 году за вѣрность и любовь къ отечеству."

Но эти лаконическія строки не разказываютъ прохожему грустной повѣсти доблестнаго Энгельгардта. По занятіи Смоленска Наполеонъ учредилъ здѣсь, подъ предсѣдательствомъ Вильбланша, коммиссію для управленія губерніей и поручилъ ей заготовленіе провіанта на армію. Между тѣмъ, по всей окрестности разлилось народное возстаніе, и когда команды посланныя за покупкой хлѣба являлись въ села, то на нихъ выходили вооруженные крестьяне. Иными предводили ихъ помѣщики. Въ числѣ начальниковъ этихъ сельскихъ дружинъ извѣстенъ былъ Энгельгардтъ, который храбро защищалъ отъ непріятелей свое и сосѣднія имѣнія. Онъ попался въ руки Французовъ, которые привели его въ Смоленскъ, посадили въ Спасскую церковь и приставили къ ней стражу. Вскорѣ его потребовали къ допросу. Энгельгардтъ не отказывался отъ участія которое принималъ въ возстаніи, и прибавилъ: „я Русскій, я исполнилъ свой долгъ". Допрашивающій предложилъ ему жизнь и свободу если онъ согласится присягнуть Наполеону и поступить къ нему на службу. Энгельгардтъ отвѣчалъ: „я русскій дворянинъ, служу Россіи и Русскому Царю". Тогда ему прочли смертный приговоръ и отвели въ крѣпостной ровъ. Солдаты завязали ему глаза, но онъ сорвалъ повязку. Раздались выстрѣлы: Энгельгардтъ былъ раненъ въ ногу. Французы окру-

жили его, пытаясь убѣдить чтобъ онъ принялъ сдѣланное ему предложеніе, и прибавили что рана легкая и что ее скоро залѣчатъ. „Стрѣляйте!“ крикнулъ онъ. Они зарядили опять ружья, опять загремѣли выстрѣлы, и Энгельгардтъ упалъ... Его похоронили на мѣстѣ казни. *

На одной изъ Смоленскихъ площадей возвышается среди группы деревьевъ красивый пирамидальный памятникъ, воздвигнутый славѣ Двѣнадцаго Года. Двѣ пушки отбитыя у Французовъ стоятъ на возвышеніяхъ по обѣ его стороны. Въ него вдѣлана икона Божіей Матери, а ниже рамка, подъ металлической сѣтью, сквозь которую можно прочесть слѣдующую надпись:

„Планъ сраженія при городѣ Смоленскѣ, между Россійской арміей и войсками Западной Европы.“

Этотъ памятникъ былъ открытъ въ 1841 году, 5 ноября— день годовщины освобожденія города. На церемоніи находились многіе участвовавшіе въ Отечественной Войнѣ. Послѣ литургіи, отслуженной въ церкви что̀ подъ Днѣпровскими воротами, икона Божіей Матери была вынесена изъ храма и крестный ходъ потянулся къ площади. Разставленные тамъ полки, встрѣтивъ его при звукахъ музыки и барабаннаго боя, отдали ему честь. Потомъ начался торжественный молебенъ предъ иконой. Послѣ многолѣтія царствующему Императору пропѣли вѣчную память Александру I и всему доблестному воинству павшему въ 1812 году.

Въ Смоленскѣ еще и нынѣ можно встрѣтить живыя хроники — свидѣтелей страданій и геройскихъ подвиговъ кровавой эпохи. Давно посѣдѣвшіе старики передаютъ еще много подробностей горькихъ дней, неизгладимо врѣзавшихся въ дѣтской памяти. Они помнятъ свистъ непріятельскихъ пуль надъ ихъ головами, кровавыя струи на улицахъ города, взрывъ Годуновской твердыни, тучную фигуру Наполеона, его блѣдное лицо и холодный взглядъ. Часто при воспо-

---

* Энгельгардты Эльзасскіе выходцы; многіе ихъ однофамильцы живутъ еще въ Страсбургѣ. Этимъ обстоятельствомъ быть-можетъ объясняется дикое предложеніе сдѣланное русскому дворянину вступить въ Наполеоновскую армію.

Другой еще помѣщикъ, Шубинъ, былъ точно также взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Подробности его смерти неизвѣстны. Императоръ Александръ I назначилъ пенсію его семейству, точно также какъ и семейству Энгельгардта.

минаніи о драмѣ, совершившейся около семидесяти лѣтъ тому назадъ, голоса стариковъ дрожатъ еще отъ слезъ. Мы собрали ихъ разказы и передаемъ ихъ читателямъ.

I.

Разказъ смоленской мѣщанки Агафьи Абрамовны Калюковой.

Въ первое воскресенье Петровскаго поста у насъ бываетъ всегда крестный ходъ около города. Мои родители готовились идти на праздникъ; упросила и я мать чтобъ она взяла меня съ собой.

Ходъ двинулся изъ собора: несли обѣ чудотворныя иконы Божіей Матери. За ними бѣжали толпы народа. Вышли на Днѣпровскій мостъ и носили около крѣпостной ограды. Вдругъ кто-то увидалъ что у самой стѣны человѣкъ прячется, лежитъ въ кустахъ. Бросились къ нему и хотѣли его поднять, а онъ не дается. Тогда только и было на умѣ что Бонапартъ да Французы, и сейчасъ крикнули: шпіонъ! Его схватили, онъ что-то бормоталъ, и такая суматоха поднялась въ толпѣ что я испугалась и прижалась къ матери; а мать увидала что я дрожу отъ страха и увела меня домой. Къ вечеру я разнемоглась и меня уложили въ постель.

Мнѣ было тогда всего восемь лѣтъ, и память моя стала теперь очень плоха: все забываю, а 12й годъ такъ помню какъ вчерашній день. Я проболѣла довольно долго, и не успѣла еще оправиться, какъ разъ,—было это раннимъ утромъ, прибѣгаетъ къ намъ дядя, братъ моей матери и говоритъ: „Убирайтесь скорѣй. Бонапартъ на насъ идетъ“.

Поднялась у насъ суматоха. Батюшка говоритъ туда-то бѣжать, а матушка туда-то. Потолковали и рѣшились ѣхать къ матушкиной сестрѣ, верстъ за тридцать, въ село Волоты. Мы жили хорошо и жаль было наше добро оставлять на разграбленіе. Уложили его въ большой сундукъ и зарыли сундукъ въ землю около дома. Потомъ заложили лошадей и навьючили на телѣги теплую одежу, да съѣстные запасы,—у насъ ихъ было много,—посадили насъ, ребятъ, на возы и съѣхали со двора.

Пріѣзжаемъ къ теткѣ въ Волоты, живемъ у нея. Да стали къ намъ жаловать Французы. Говорили что они отъ своихъ

ушли, потому что продовольствіе было имъ плохое въ арміи. Придутъ и начнутъ грабить. Скотину ли увидятъ — угонятъ, одежу ли, съѣстное ли что — все стащатъ. Вотъ и поднялись крестьяне уходить въ лѣсъ и увозить свое добро. И мы съ ними. Всѣ ушли, осталось пустое село.

Въ лѣсу житье намъ было незавидное. Къ намъ и туда Французы хаживали. Да тутъ-то крестьяне были, спасибо, въ кучкѣ и, коли не очень много непріятеля, такъ бросятся на нихъ и прогонятъ. Ну, а ужь если много ихъ придетъ, да съ ружьями они—такъ ничего не подѣлаемъ, ихъ воля.

Варили мы себѣ кушанье въ лѣсу, да бывало боимся какъ бы издали огня не увидали. Настали холода, а мы не смѣемъ развести костра чтобы погрѣться. Немало мы натерпѣлись. Подъ конецъ покойникъ батюшка говоритъ: „Пойду я въ Смоленскъ провѣдать что̀ тамъ дѣлается.“ И пошелъ онъ. Дня черезъ три вернулся, и сказываетъ: „На Смоленскъ, молъ, страсть взглянуть какъ онъ разоренъ, а нашъ домъ цѣлъ. Сначала на Французовъ не плакались, а теперь стали они голодать и нашихъ забижаютъ, да и наши имъ потачки не даютъ. Какъ, говоритъ, не плохо, а вернемся домой; не то къ намъ и сюда Французы пожалуютъ. По крайности подъ кровомъ жить будемъ.“

Въ это самое время занемогла у меня маленькая сестра и умерла. Матушка была до насъ горяча, очень она убивалась по сестрѣ, и говоритъ: „Хочу ее, мою голубку, похоронить съ молитвой, а не зарою ее здѣсь въ лѣсу.“ Отнесла она съ батюшкой тѣло сестры до перваго села, и пошли они къ священнику. А у него сидитъ какой-то пріѣзжій и говоритъ онъ имъ: „Послалъ вамъ Господь горе, и радость послалъ, какъ вамъ, такъ и намъ всѣмъ; Москва очищена отъ непріятеля“.

Отецъ и мать похоронили сестру, вернулись въ лѣсъ и всѣхъ обрадовали вѣсточкой. На другой день мы выѣхали чѣмъ свѣтъ, и къ вечеру добрались до Смоленска. Часть провизіи что̀ брали съ собой привезли мы назадъ, и по ночамъ матушка затапливала печь и готовила намъ поѣсть. Французы къ намъ заглядывали раза два; да что̀ оставалось у насъ добра и все съѣстное было припрятано. Пошарятъ они и уйдутъ съ пустыми руками.

Жили мы такъ недолго—нѣсколько дней, когда Бонапартъ нагрянулъ къ намъ опять со своею арміей. Пришли къ намъ нѣсколько Французовъ, видно что не изъ простыхъ солдатъ,

а должно-быть начальники. Какъ вошли такъ сѣли около стола, подгорюнились и молчатъ—скучные такіе, которые даже плакали, а мы забились въ уголъ, на нихъ смотримъ. Вдругъ пришла моя тётка и шепнула матери: „я свою баню истопила; дайка мнѣ дѣтей-то, имъ тепло будетъ, и я ихъ покормлю.“ Ушли мы съ теткой, у нея баня биткомъ набита, и все больше дѣти. Мать не успѣла накормить насъ дома; мы были голодны и очень обрадовались когда тётка принесла намъ говядины, а хлѣба не было ни у кого.

Къ ночи прилегли мы на полу, а когда проснулись и видимъ что Французы все сидятъ около стола. Иной приладетъ къ столу и задремлетъ, а который проснется опять подгорюнится и смотритъ такъ угрюмо. По утру отецъ вышелъ на улицу, и какъ вернулся говоритъ матери: „хорошо что эти насъ не тронули, да вѣдь цѣлая ихъ армія здѣсь, и въ городѣ адъ кипитъ. Неравенъ часъ—пожалуй головы не снесемъ. Береженаго Богъ бережетъ: уѣдемъ хоть въ Королево.“ А Королево село отсюда въ шести верстахъ. Ужь тутъ укладываться было намъ не долго: заложили лошадей, кой-что сунули въ телѣгу, и поѣхали. Подъѣзжаемъ къ Покровской горѣ и видимъ около нея волненье, и конные и пѣшіе, а штыки такъ и блестягъ на ружьяхъ. Сильно мы сробѣли. Батюшка правитъ: онъ остановилъ лошадей, да ужь не знаетъ—назадъ ли ему повернуть, впередъ ли ѣхать. Тутъ подскакали къ намъ двое и кричатъ: свои! свои! Глядимъ—казаки: наше войско подошло къ Смоленску. Взобрались мы на гору; видимъ пушки, фуры, и среди ихъ стоитъ икона Царицы Небесной, что̀ наши увезли наканунѣ Преображенія, когда Наполеонъ бралъ городъ. Помню я, какъ увидали ее отецъ и мать, такъ и упали передъ ней на колѣни. Мать горько заплакала: „вернулась Ты, говоритъ, къ намъ, Заступница, не оставила насъ!“ и намъ приказала помолиться и приложиться къ иконѣ.

Натерпѣлись Французы, да и наши, сердечные, не мало горя видѣли: совсѣмъ измучены были. Лежали тутъ раненые и пить просили. Отецъ сбѣжалъ къ рѣчкѣ, зачерпнулъ воды шапкой и принесъ имъ. Солдаты говорили что нечего намъ бѣжать, что теперь Французы ужь никакого вреда не сдѣлаютъ и два казака вызвались идти съ нами на нашу квартиру: „они, молъ, насъ побаиваются“.

Вернулись мы домой, и казаки съ нами. На казаковъ мно-

го жаловались; они, говорятъ, тоже грабить-то мастера были; а намъ попались добрые люди,—крестъ у нихъ на шеѣ былъ. Попросили у матушки: нѣтъ ли, молъ, хозяюшка хлѣбца перекусить? давно въ ротъ его не брали. А она говоритъ: нѣтъ родимые, а сварила я на дорогу круленика, такъ кушайте на здоровье.

Ночевали они у насъ. Не помню, въ эту ли ночь или на другую, крѣпко мы спали какъ вдругъ загремѣли взрывы. Это Бонапартъ злодѣй, какъ уходилъ такъ велѣлъ порохомъ крѣпость взорвать. Да всего-то уничтожить не удалось: 17 башенъ уцѣлѣло.

Мы думали что съ ума сойдемъ отъ страха, либо до утра не доживемъ; да сжалилась надъ нами Царица Небесная: тѣмъ же утромъ вошли наши въ городъ, и передъ ея святою иконой служили на площади молебенъ.

II.

Разказъ смоленскаго мѣщанина Акима Ивановича Сныткина.

Мнѣ было 16 лѣтъ въ Двѣнадцатомъ Году, а сестра была старше меня и уже замужемъ. Мужъ ея былъ очень боленъ. 3 августа проскакалъ по Фурштадтской верховой казакъ и кричалъ чтобы всѣ спасались въ крѣпость, что Наполеонъ на насъ идетъ. Какъ услышала это бѣдная сестра такъ просто обомлѣла. Куда дѣваться съ больнымъ? Да мужъ велѣлъ ей самъ оставить его на власть Божью и уходить съ дѣтьми, а дѣти-то были малъ мала меньше. Дѣлать было нечего: забрала она ихъ и ушла къ матушкѣ и ко мнѣ: „куда вы, говоритъ, туда и я". Мы жили тогда въ своемъ домѣ на Свирской и она недалеко.

Рѣшили мы что надо идти на архіерейское подворье. Взяли какія были у насъ деньги, наложили въ узелки что̀ могли съѣстнаго, и пошли. По улицамъ бѣжалъ ужь народъ: спасались также въ церкви, въ погреба и подвалы. Съ подворья которые монахи ушли, которые остались. Они насъ пріютили, и мы ночевали въ кельѣ. На другой день началась пальба. То-то былъ страхъ! Мы такъ испугались что ушли въ Успенскій соборъ, вѣдь онъ рядомъ съ архіерейскимъ домомъ, и мы думали что тамъ безопаснѣе.

Въ соборѣ была уже тьма народа. Многіе стояли предъ иконостасомъ и молились. То и дѣло приносили больныхъ, увѣчныхъ дѣтей. А снаряды все свистали надъ нами. Отъ ихъ грома тряслись стѣны собора. Лишь къ ночи унялась пальба. Тутъ въ соборѣ на ночь всѣ остались. На другой день опять загремѣла канонада. Послѣ полудня сестра не вытерпѣла: „пойду, говоритъ, провѣдаю мужа“. А до Свирской неблизко, подъ бомбами, да ядрами. Долго мы ее ждали. Къ вечеру вернулась она бѣдная и горько плакала: „прихожу, говоритъ домой, а онъ, мой голубчикъ, ужь отдалъ Богу душу, весь даже окоченѣлъ.“ И сказывала она что просила добраго человѣка помочь ей спрятать тѣло, чтобы надъ нимъ супостаты не наругались. У сестры при домѣ былъ садъ, а въ саду маленькій прудъ. Они въ него и опустили покойника.

Два дня отстаивали Смоленскъ. Онъ горѣлъ со всѣхъ сторонъ, и вездѣ лежали развалины. На третій день раздалась боевая музыка: Французы вступали въ городъ. Прибѣжали къ намъ женщины и разказывали что Французы все грабятъ. Мы ночевали въ храмѣ еще одну ночь, боясь показаться на улицу. На другой день отворились двери и вошли нѣсколько военныхъ; одинъ шелъ впереди. Видно было что онъ начальникъ, а невзрачный: полный, ростомъ не великъ, лицомъ блѣдный и глаза голубые. На немъ была треугольная шляпа. Оглянулъ онъ соборъ сверху до низу и снялъ шляпу. Увидалъ какой храмъ въ славу Господню сооруженъ, и должно-быть совѣстно ему стало что вошелъ съ покрытою головой. И всѣ другіе тоже сняли свои шляпы. Онъ что-то сказалъ одному что̀ шелъ за нимъ, должно-быть переводчикъ, а тотъ выслушалъ, и намъ говоритъ: „Это императоръ Наполеонъ. Онъ приказываетъ мнѣ вамъ сказать чтобы вы не боялись, что онъ въ городѣ оставитъ начальство и что будутъ открыты рынки“.

Мы поклонились, а они осмотрѣли соборъ и ушли. Наполеонъ приказалъ поставить стражу къ дверямъ, и ничего не было тронуто въ соборѣ. Какъ ушли-то они, мы думаемъ: нельзя же здѣсь оставаться, выйдемъ на власть Божію, — и вышли. Приходимъ на нашу сторонку: домъ нашъ, слава Богу, стоитъ цѣлъ. Пошли къ сестрѣ, и ея домъ стоитъ. Мы сейчасъ въ садъ, вынули изъ пруда тѣло зятя, обмыли его, одѣли въ чистое платье, и отнесли къ Свирской церкви. Свя-

щенника нечего было искать послѣ такого погрома: вырыли яму на церковномъ дворѣ и похоронили сами покойника.

Непріятели расположились по городскимъ домамъ, а на первыхъ порахъ мы жили съ ними мирно. Открыли рынки, и офицеры наблюдали за порядкомъ. Все покупали на чистыя деньги. Солдаты рѣдко кого обижали, а обидятъ, ступай къ ихъ начальству съ жалобой. У насъ была хлѣбная лавка, и я въ ней торговалъ. Пришли разъ три молодца и стащили у меня два пуда муки. И тутъ же по сосѣдству у Жида тоже что-то унесли. Онъ говоритъ—пойдемъ на нихъ жаловаться генералу ихъ. Пошли мы. Онъ насъ принялъ. У него былъ переводчикъ и мы поразказали все свое дѣло. Тутъ стоялъ у стола чиновникъ и записывалъ. Переводчикъ сказалъ что деньги за наше добро будутъ намъ выданы. Потомъ я слышалъ что деньги точно были выданы сполна Жиду, на его часть и на мою, только онъ отказался, говоритъ: „не получалъ“.

У насъ квартировало много Французовъ, такъ какъ домъ былъ у насъ просторный. Они отдавали частехонько свое бѣлье матери стирать, и платили ей. Пришла тогда къ намъ молодая женщина и мать пріютила ее, Христа ради. Звали ее Пелагеей. Она такая пригожая была, Французы-то на нее заглядывались, и она очень ихъ боялась. У насъ на чердакѣ стоялъ большой коробъ, и Пелагея пряталась въ него на ночь. Раза два они точно ее искали, и мы имъ толковали что она у насъ не ночуетъ: „Нѣтъ, молъ, Пелагеи?“—„Нѣтъ, мусье“, ну и уйдутъ.

Разъ приказали они мнѣ за собой идти, и привели меня на бойню. Это они по сосѣднимъ деревнямъ награбили скотины себѣ на продовольствіе. Кромѣ меня тутъ еще человѣкъ десять молодыхъ малыхъ было. Заставляли насъ бить скотину и кормили хорошо, а по вечерамъ домой отпускали. Да вотъ что еще: убьешь имъ быка, и бери себѣ за трудъ голову, ноги, кишки. Принесу все это домой, матушка сваритъ студень, да имъ же и продастъ.

Употребляли они насъ на разныя работы. Повстрѣчался имъ мой двоюродный братъ; они ему сейчасъ: „алё, маршъ!“ и показываютъ чтобъ онъ за ними шелъ. Привели его къ колодцу и приказали воду качать на обѣдъ имъ, да скотину поить. Качалъ онъ день, другой, они его и на ночь домой не отпускаютъ; а его тоска разобрала: умаялся онъ, опять же

знаетъ и дома объ немъ надумались. А Французъ стоитъ около него съ ружьемъ. Братъ пріостановился качать и сталъ ему объяснять „что отпусти меня, молъ, мусье.“ Ужь Богъ знаетъ понялъ ли тотъ, нѣтъ ли, а показываетъ что: „качай, молъ“. Братъ началъ его ругать. Французъ понялъ что онъ бранится, осерчалъ и замахнулся на него, а братъ его пихнулъ. Срубъ-то у колодца былъ низенькій, Французъ попятился, пошатнулся и полетѣлъ въ колодезь.

У брата-то въ первую минуту въ глазахъ потемнѣло, а какъ опомнился, такъ давай Богъ ноги пока никто бѣды не замѣтилъ, и убѣжалъ безъ оглядки домой.

Храмовъ нашихъ они не уважали: въ церкви Іоанна Богослова былъ у нихъ складъ, провіантъ у нихъ тутъ лежалъ, а въ тепломъ Успенскомъ Соборѣ больницу устроили. У нашего сосѣда умерла дѣвочка, и пошли мы ее хоронить къ церкви Архангела Михаила. Какъ засыпали мы яму надъ тѣломъ, я заглянулъ въ храмъ, и вижу тамъ лошади стоятъ. А въ соборѣ Успенскомъ и въ которыхъ еще церквахъ что̀ не были ограблены совершалась постоянно служба.

Послѣ половины сентября начали съѣстные припасы подбираться и стали Французы голодать. Ну, ужь тогда мы себѣ пощады не видали. Что̀ имъ попадется подъ руку, все ихъ. Мы и сами отъ голода натерпѣлись не мало и прячемъ, бывало, отъ нихъ что̀ Богъ пошлетъ. Имъ было запрещено бродить ночью по городу, такъ мы какъ стемнѣетъ, пойдемъ по огородамъ и собираемъ свеклу да картофель и что̀ удастся нарыть, то въ яму спрячемъ, да заложимъ яму досками и прикроемъ чѣмъ-нибудь. По ночамъ же топили печь и варили свои овощи. Становилось все труднѣе: дошло до того что за пудъ ржаной муки платили 17 руб., а пшеничной 27 руб. * Подъ конецъ цѣлыхъ двѣнадцать дней ни за какія деньги невозможно было достать въ городѣ хлѣба.

Сколько разъ Французы намъ совали въ руку толстыя пачки ассигнацій, лишь бы мы имъ достали хлѣба кусокъ, а мы бы рады, да не откуда было. А тутъ ужь и овощи-то всѣ вышли: стали Французы ѣсть падаль, да и мы грѣшные ее подбирали.

Опять же сильные пошли холода, непріятели мерзнутъ въ своихъ мундиришкахъ, и съ насъ всю теплую одежу тащатъ.

---

* На серебро 4 руб. 85 коп. и 7 руб. 71 коп.

Кто по сильнѣй, за себя заступится. Ужь и жалость всякая къ нимъ пропала: били ихъ безпощадно когда они по одиночкѣ ходили.

Много ихъ здѣсь погибло отъ холода да отъ голода. Шелъ я разъ по улицѣ съ товарищемъ, и видимъ мы издали стоитъ Французъ на караулѣ, около дома ихъ начальника, а самъ къ дереву прислонился. Подошли мы, а онъ открылъ глаза и не моргнетъ. Глядь, замерзъ сердечный! Вѣдь мы сами на нищихъ походили, и говоримъ: снять бы съ него ранецъ. Сняли, и подѣлили межь собой его добро. Мнѣ достались: женскій платокъ, хорошій такой,—я его матери подарилъ,—да еще черепаховая гребеночка низаная жемчугомъ. Я ее послѣ продалъ за шесть рублей.

Какъ вернулся къ намъ Бонапартъ, въ концѣ октября, такъ его солдатики на живыхъ людей не походили, еле ноги передвигали, а одѣты-то были словно на святкахъ: во что̀ попало въ то и кутались. Вслѣдъ за ними подошли наши войска и остановились за Днѣпромъ. Погостили у насъ Французы всего четыре дня, а какъ вышелъ ночью послѣдній ихъ полкъ такъ стали раздаваться страшные взрывы: злодѣи подорвали стѣны. Мы словно обѣзумѣли отъ страха какъ взлетали на воздухъ крѣпостныя башни: земля такъ и стонала, такъ и колыхалась подъ нами.

На другое утро вступили въ городъ наши войска. Какъ увидали мы ихъ, такая была радость что я этакой другой въ жизни не запомню.

III.

Разказъ крестьянки Агафьи Игнатьевой, села Вольши.

Наше село верстахъ въ 15 отъ Смоленска. Какъ прошелъ слухъ что идетъ на насъ Французъ, нашъ баринъ Николай Ивановичъ Брагенъ приказалъ крестьянамъ вырыть на всякій случай ямы въ лѣсу и спрятать въ нихъ свое добро. Такъ и сдѣлали. Прикрыли ямы досками, а доски посыпали мусоромъ, да землей, и приставили къ нимъ сторожей. Скотина тоже паслась въ этомъ самомъ лѣсу.

Вотъ разъ, какъ теперь помню, — были всѣ крестьяне на гумнѣ, и я тутъ же при матери. Вдругъ прибѣжалъ баринъ и кричитъ: „уходите! Французъ подходитъ!“ Ужь кто его объ

этомъ извѣстилъ,—не знаю, а велѣлъ онъ намъ уходить и самъ уѣхалъ. Всѣ бросились на село и живо заложили телѣги. Вѣдь все ужь было припрятано, развѣ какая оставалась малость, ту взяли съ собой.

Мнѣ было тогда девять годочковъ, не смыслила я еще что Господь горе посылаетъ, а любо мнѣ что такая идетъ суматоха на селѣ. Бѣгаю я подъ шумокъ со двора на дворъ, и со мной мальчишка помоложе еще меня, сынъ сосѣда. Забѣжали мы въ пустую избу,—всѣ изъ нея ужь выбрались,—да и подыми тамъ драку, да вдругъ и спохватились о своихъ. Глядь, а ужь на улицѣ-то никого, хоть шаромъ покати: всѣ убрались. А лѣсъ-то далеко, мы въ него и не хаживали, пожалуй и дороги не найдемъ. Какъ быть? Побѣжали по улицѣ, озираемся во всѣ стороны, и вдругъ видимъ къ намъ на встрѣчу Французы, все верховые. Не вспомнили мы себя отъ страха; такъ и думали что насъ съѣдятъ. Бросились мы назадъ въ избу и прижались въ уголъ.

Немножко погодя, Французы шасть въ дверь, и прямо къ намъ. Да видятъ что мы ни живы, ни мертвы, и стали намъ что-то говорить по-своему, по головѣ насъ гладятъ,—покуражить насъ хотѣли. А мы потупились—и не взглянемъ на нихъ. Ушли они, а тамъ двое вернулись и принесли намъ каши въ горшкѣ, да хлѣбушка, — должно-быть тутъ же гдѣ въ избѣ взяли, а намъ не до ѣды. Побились они съ нами, да видятъ ничего не подѣлаютъ,—махнули рукой и были таковы.

Долго ли мы тутъ просидѣли не знаю, а какъ услыхали что все на селѣ притихло, заглянули въ окно,—видимъ, ушли наши Французы. Мы сейчасъ вонъ изъ избы, бросились въ конопли, да туда и спрятались. Вплоть до вечера тамъ пролежали. А какъ стало темнѣть—слышимъ знакомые голоса насъ выкликаютъ. Мы выскочили изъ коноплей: моя мать, да отецъ того мальчишки пришли насъ искать. Они не скоро насъ хватились, а какъ ужь доѣхали, видятъ насъ нѣтъ, подумали что какая съ нами бѣда приключилась, и пошли насъ отыскивать. Какъ мы имъ обрадовались да и они-то намъ, а тутъ спохватились да пинками насъ угостили: „еще васъ, говорятъ, негодяевъ, высѣчь бы надо“.

Вернулись мы съ ними въ лѣсъ. Тамъ кое-какъ жилось. Соберемъ хвороста, разведемъ огонь, и готовимъ себѣ поѣсть изъ провизіи что съ собой привезли. Спали въ повалку подъ

телѣгами. Были у насъ Французы раза три въ лѣсу, и что̀ могли все обобрали, а грѣхъ сказать чтобъ они обижали насъ побоями или какъ-нибудь. Были у насъ двѣ дѣвки, смазливыя такія и очень ихъ боялись. Разъ видимъ мы идутъ къ намъ Французы: молодыя бабы куда могли попрятались, а дѣвки-то не успѣли, и что̀ жь они придумали? Живо повязали они головы платками, словно бабы, да лежали тутъ грудныя дѣти, а дѣвки и взяли по ребенку на руки, себѣ въ оборону. Французы прямо къ нимъ, а онѣ кланяются имъ и показываютъ на дѣтей: ради ихъ, молъ, не губите насъ. И Французы ничего: поласкали ребятъ, а дѣвокъ не тронули.

Какъ побыли они у насъ третій-то разъ, да все обшарили хорошенько, такъ ужь ничего не осталось, развѣ провизія что̀ въ ямахъ уцѣлѣла. Вотъ и говорятъ наши мужики: „что̀ жь мы въ лѣсу-то будемъ жить? Все обобрано, ужь и стеречь здѣсь нечего; вернемся домой, холода настали, хоть подъ кровомъ будемъ.“

Вернулись, и пришлось намъ житье плохое: ни коровки, ни курицы во всемъ селѣ не осталось. Разъ пришли къ намъ шесть человѣкъ Французовъ: худые, оборванные, жаль смотрѣть. Ходятъ по избамъ, шарятъ, да взять-то нечего. Вдругъ прискакали два казака; увидали ихъ и крикнули: „бейте ихъ!“ Былъ у насъ мужикъ, тоже крещеный, а жалости не зналъ. Схватилъ онъ дубину и бросился на Французовъ. И онъ ихъ бьетъ, и казаки бьютъ. Пятерыхъ тутъ же положили, а шестой какъ повалился на улицѣ долго еще стоналъ, бѣдный. Какъ вздумаю я о немъ, такъ сердце заноетъ. Опять же все я помню какъ Французы хотѣли насъ кашей накормить. Они добрые ребята. А что они грабили, такъ имъ и Богъ проститъ; Бонапартъ-то ихъ сюда привелъ, а самъ выѣденаго яйца имъ не припасъ. Такъ какъ же быть то? Вѣдь голодъ не тетка.

А мужикъ-то что̀ билъ у насъ Французовъ на селѣ и года послѣ того не прожилъ: его Господь наказалъ.

IV.

Разказъ Татьяны Андреевой бывшей крѣпостной.

Я родилась у Елизара Григорьича Колпинскаго, а было у него имѣніе въ Духовскомъ уѣздѣ, село Данильево. Мнѣ было четыре года когда баринъ подарилъ меня Сматинскому купцу Ивану Демьянычу Грекову. Вѣдь купцамъ запрещено было крѣпостныхъ держать, такъ записали меня на имя здѣшняго помѣщика Ракузова.

Иванъ Демьянычъ торговалъ виноградными винами, и было у него богатое заведеніе здѣсь, на большой улицѣ. Самъ онъ занимался торговлей, а тёща его, Пелагея Семеновна, домашнимъ хозяйствомъ завѣдывала. Я ей прислуживала. Въ тотъ годъ какъ пришелъ Французъ мнѣ минуло девять лѣтъ.

Стали тогда толковать что вотъ идетъ, идетъ! А губернаторъ всѣхъ куражилъ что не допустятъ, молъ, его. Иванъ Демьяновичъ и говоритъ своей матушкѣ: „Толкуй тамъ что не допустятъ, а береженаго Богъ бережетъ. Не убраться ли намъ по добру, по здорову?“ А она ему говоритъ: „уѣзжайте съ Богомъ, и дѣтей съ собой заберите, а я здѣсь останусь добро ваше сберегать.“

Велѣлъ хозяинъ все укладывать и уѣхалъ въ Рязань съ женой и дѣтками.

Какъ спустили мы ихъ со двора, начали все прибирать въ домѣ. Что̀ въ землю закапывали, что̀ въ погреба уносили. Въ тотъ же вечеръ поднялась страшная суматоха въ городѣ, казакъ повѣстилъ что Бонапартъ ужь близехонько, а мы все убрать еще не успѣли. На другой день поднялись мы ранехонько. Какъ теперь помню: стоятъ у насъ на дворѣ сундуки и винные боченки, и снуёмъ мы всё изъ дома въ погребъ, какъ вдругъ словно громъ ударилъ, и полетѣла бомба. Такъ мы и присѣли. Какъ опомнились маленько, хозяйка говоритъ: „живѣй! а то не успѣемъ!“ Принялись мы опять за дѣло. Приказали мнѣ нести въ погребъ оловянныя тарелки. Прибѣжала я съ ними, и только что хочу спуститься съ лѣстницы просвистѣла у меня пуля мимо уха, я крикнула и полетѣла въ погребъ.

Подняли меня. Порядкомъ я ушиблась, до этого не почуяла съ горяча: не до того было. Ужь послѣ разглядѣла синяки по всему тѣлу. Пошла опять работа своимъ порядкомъ, а надъ головами все свищатъ снаряды, и загорѣлся городъ въ разныхъ мѣстахъ, страсть! Вдругъ видимъ мы со двора потянулись телѣги съ ранеными, и выбѣжали мы ихъ посмотрѣть. Гдѣ они проѣхали, остался по улицѣ кровавый слѣдъ, а они, сердечные, стонутъ. Которые говорятъ: „сжальтесь, предайте насъ концу!" А которые просятъ, Христа ради, испить. Сердце просто повернулось глядя на нихъ. Хозяйка наша скупа была, а ужь тутъ ничего не пожалѣла; заплакала и крикнула: „Откупоривайте бочки! разносите вино! Кто сколько хочетъ пусть льетъ на здоровье." Остановились телѣги, а мы стали живо разносить воду и вино раненымъ и солдатамъ что ихъ везли.

Становилось отчасу не легче. Летѣли на насъ черныя ядра и бомбы, что вороны. Хозяйка говоритъ: „Нѣтъ, своя голова дороже. Чего не успѣли убрать—такъ и быть, а надо уходить отсюда:" Стали мы одѣваться: приказали мнѣ надѣть три рубашки одну на другую, да два платья, а въ руки мы взяли что̀ съѣстнаго было.

Пошли мы прямо къ Днѣпровскимъ воротамъ отслужить напутственный молебенъ. Входимъ въ церковь, а она полнешенька народомъ. Всѣ тоже съ узелками, да съ кузовочками, въ путь собрались да тоже пришли за молебномъ. Ждали священника—отца Никифора. Ужь онъ былъ старичекъ, пришелъ онъ, облачился, и начался молебенъ. Всѣ стояли на колѣняхъ. Вдругъ посыпались снаряды и ядро ударило въ сосѣдній домъ, такъ что въ головѣ зазвенѣло. Отецъ Никифоръ вошелъ въ алтарь, вынесъ изъ него золотой крестъ и говоритъ: „именемъ Божіимъ и Пресвятой Его Матери благословляю васъ, православные, на счастливый путь. Идите." Всѣ зарыдали, поклонились передъ образомъ и ушли.

Въ этотъ годъ всего народилось видимо-невидимо. На мосту продавали яблоки, а ужь въ этотъ день не до продажи было. Купцы разошлись и яблоки разсыпаны по мосту. Мы и набрали себѣ въ подолы. Перебрались черезъ гору, и видимъ лежатъ рядами раненые. Молятъ: православные! дайте душу отвести, въ горлѣ пересохло. Мы имъ отдали всѣ наши яблоки; и такъ они, бѣдные, имъ обрадовались.

Въ нашей губерніи ужь стали крестьяне вооружаться на

супостата: отзовутся, молъ, волку овечьи слезки. Въ иное село придемъ, а оттуда ужь мужички выбираются въ лѣсъ, все добро свое увозятъ и скотину угоняютъ. Мы питались именемъ Божіимъ. У хозяйки были деньги, а она ихъ таила. Провѣдаютъ, говоритъ, что онѣ у меня есть, такъ, можетъ, въ такое время и головы не снести.

Шли мы долго,—до Тверской губерніи, и остановились во Ржевѣ. Тутъ наняла Пелагея Семеновна подвалъ и все Лазаря пѣла, со своими денежками не разставалась, а меня посылала милостыню собирать. Вѣдь надо было милостыней прокормить цѣлыя четыре души, да я сама пятая. Хожу бывало по городу, такъ что и ноги всѣ обобью и чего, чего не наговорю: „Христа ради! Сироты, молъ, сироты круглые остались, въ Смоленскѣ разорены.“ Надаютъ мнѣ одежи и денегъ, и какъ я принесу хозяйкѣ она все спрячетъ, и ступай снова здорово, не то чтобы вздохнуть дала.

Какъ узнала моя мать, бѣдная, что Смоленскъ разоренъ, такъ она себя не вспомнила отъ страха. И у господъ даже не спросилась, а ушла тайкомъ меня провѣдать. Приходитъ въ нашъ Смоленскій домъ, и видитъ окна отворены и сидятъ подъ окнами какія-то молодки, и тѣсто въ булки складываютъ, въ печь сажать. Стала было мать ихъ спрашивать гдѣ хозяева,—а онѣ на нее смотрятъ и заговорили по-своему: оказалось это французскія мамзели. Объясняетъ имъ мать что у нея здѣсь дѣтка была, а онѣ показываютъ что такой здѣсь нѣтъ. Горько она, родимая, заплакала и пошла отыскивать кого-нибудь изъ знакомыхъ сосѣдей. Ей сказали что уѣхалъ хозяинъ съ женой и дѣтьми, а тамъ ушла его теща и насъ четверыхъ съ собой увела. А живы ли мы всѣ остались, про то никто не зналъ.

А наша хозяйка списалась съ зятькомъ и тотъ прислалъ ей письмо подъ Николу. Писалъ ужь онъ изъ Смоленска, вернулся туда лишь узналъ что Французъ ушелъ. Какъ брали городъ, такъ хозяйскій домъ уцѣлѣлъ; а какъ гнали супостата, такъ Бонапартъ злодѣй велѣлъ нашу крѣпость подорвать; тогда и домъ Грековыхъ до тла сгорѣлъ.

Переѣхали и мы опять въ Смоленскъ. Ужь Иванъ Демьянычъ квартиру тамъ нанялъ; а весной, говоритъ, надо будетъ обстроиться. А какъ онъ обстроился того не знаю, потому что оглянулся на меня тогда Господь Богъ. Помѣщикъ Ракузовъ, на чье имя я была записана, узналъ что житье-то

мнѣ плохое и говоритъ Ивану Демьянычу: „ты, говоритъ, братъ, дѣвчонку-то совсѣмъ извелъ и я ее возьму у тебя.“ Ужъ какъ онъ съ нимъ за меня разчелся, объ этомъ я не знаю, а только что взялъ онъ меня. И только что я къ нему перешла, отпустилъ онъ меня въ Духовскій уѣздъ мать провѣдать. То-то была радость что ей, что мнѣ! А хозяинъ ужъ безъ меня обстроился.

V.

Разказъ степеннаго гражданина Кузьмы Егоровича Шматикова.

Собрали у насъ ополченіе; двѣ наши арміи подошли уже къ Смоленску: одна съ одной, другая съ другой стороны; а наше начальство все увѣряло что городъ не въ опасности, что бояться намъ нечего; и жили мы спустя рукава. У моей матери былъ свой домъ на Свирской улицѣ, за крѣпостною стѣной; а насъ было четверо дѣтей. Мнѣ шелъ одиннадцатый годъ.

Отошла всенощная въ субботу, съ 3 на 4 августа, и расходились всѣ по домомъ. Вдругъ слышимъ мы крикъ на улицѣ; выбѣжали за ворота и видимъ скачетъ казакъ. Какъ поравнялся онъ съ нами мы разобрали что онъ кричалъ: „уходите въ крѣпость! Спасайтесь! Бонапартъ подходитъ!“ Такъ мы и обмерли. Матушка завязала наскоро въ узелки что̀ можно было захватить изъ нашихъ вещей, забрала насъ всѣхъ; и ушли мы въ городъ, къ знакомому. Было уже поздно. Уложили насъ; и мы, дѣти, скоро заснули, а старшимъ-то было, я чай, не до сна. На другой день, часу въ десятомъ загремѣла пальба: Французы атаковали королевскую крѣпость. * Мы просто свѣта не взвидѣли. Матушка говоритъ: „вѣрнѣй перебраться на ту сторону, за Днѣпръ, благо есть къ кому.“ А за Днѣпромъ жила ея мать. Пришли мы къ ней. Сначала туда не залетали снаряды, и мы провели у бабушки спокойную ночь. По утру вошли мы въ садикъ и тамъ усѣлись, да вдругъ бомба разразилась въ нѣсколькихъ

---

* Сигизмундъ, по взятіи Смоленска, построилъ на мѣстѣ сдѣланнаго въ крѣпостной стѣнѣ пролома, черезъ который Поляки ворвались въ городъ, бастіонъ сохранившій имя королевской крѣпости.

шагахъ отъ насъ. Мы крикнули и бросились опрометью въ погребъ.

Не могу разказать въ какомъ мы страхѣ были: вѣдь мы до тѣхъ поръ и не понимали какъ это будутъ городъ брать. Ну, положимъ, мы были дѣти, и около насъ все женщины. Да иные мущины не умнѣе насъ разсуждали; они думали что арміи пойдутъ одна на другую кулачнымъ боемъ. Многіе взобрались на деревья чтобы на это посмотрѣть; да какъ посылались снаряды и стали разбивать крѣпостные зубцы, тогда поняли что значитъ бомбардировать городъ.

Пальба становилась все страшнѣе, а мы все сидѣли въ погребѣ. Наконецъ матушка рѣшилась оставить совсѣмъ Смоленскъ. Очень мнѣ памятно какъ мы перебирались черезъ Покровскую гору. Младшіе мои братья очень утомились и шли съ трудомъ съ матушкой и мной. Вдругъ какой-то генералъ крикнулъ: „посадить дѣтей на фуры!“ нѣсколько солдатъ подбѣжали къ намъ, взяли насъ на руки, посадили на фуры и сказали: „такъ Великій Князь приказалъ“. Мы переѣхали на фурахъ черезъ гору, а потомъ пустились пѣшкомъ и дошли до села Мощинки, верстъ 15 отъ Смоленска. Уже многіе несчастные туда спаслись.

Къ ночи улеглись кто гдѣ попало: въ избахъ, на сѣнникахъ, въ сараяхъ. На другой же день съ утра, слышимъ мы что загремѣли пушки; да скоро умолкли: наши отступали. Глядимъ издали на Смоленскъ, молимся и плачемъ. Горевали, разумѣется, старшіе, а мы ужь глядя на ихъ. Вдругъ поднялся крикъ на улицѣ: „непріятели!“ Толпа оборваныхъ Французовъ показалась на селѣ. Бѣжать было некуда. Они на насъ нагрянули и бросились грабить. Обобрали они все что̀ пришельцы съ собой принесли, у насъ отняли наши узелки и стащили что̀ могли изъ избъ. Они уже тогда начинали голодать, и многіе убѣгали изъ рядовъ арміи и пробавлялись грабежемъ. Такъ они насъ напугали что лишь они только убрались мы рѣшились вернуться въ Смоленскъ, благо замолкла пальба. Дошли мы къ вечеру; и въ глазахъ у насъ потемнѣло когда мы взглянули на городъ: тамъ горитъ, тамъ лежатъ груды развалинъ. Мы остановились у знакомаго. Онъ намъ сказалъ что нашъ домъ и домъ бабушки уцѣлѣли.

Пока Наполеонъ не потянулся по Московской дорогѣ мы не возвращались къ себѣ. Онъ оставилъ въ городѣ военный отрядъ и чиновниковъ, чтобы чинить судъ и расправу. Они

никого не обижали, все брали на деньги. Около Смоленской Божіей Матери стояла, какъ и теперь, булочная, и толпились они тутъ бывало около лавки. Наберутъ калачей да бубликовъ, а за все платятъ.

Квартировали они въ обывательскихъ домахъ. У насъ домъ былъ большой, и стояло человѣкъ шестьдесятъ со своею военною музыкой. Что̀ ни день былъ имъ смотръ. Сначала-то жили мы съ ними въ ладу; принесутъ они бывало ведро или какую другую посуду, и показываютъ чтобъ имъ накачать воды; принесешь имъ, и они дадутъ за трудъ кусокъ говядины или мѣдныхъ денегъ. А какъ подобралась вся провизія, что̀ у нихъ, что̀ у насъ, какъ опустѣли рынки да подошли холода, ужь тутъ плохо намъ стало: что̀ подъ руку имъ попадется—все стащатъ, съѣстное ли, теплую ли одёжу; ужь мы свою провизію отъ нихъ прятали. Если что̀ бывало состряпать—матушка пойдетъ къ добрымъ людямъ, гдѣ квартирантовъ не было, да тамъ и приготовитъ. У насъ было за печкой мѣстечко около стѣны, темное и узкое такое что только ребенокъ могъ туда пролѣзть; такъ мы тамъ свою провизію берегли; мы даже дома ничего не ѣли; а захватишь что̀, да побѣжишь въ огородъ.

29 октября Наполеонъ возвратился въ Смоленскъ. За нимъ вошли его полки оборванные, босые: кто прикрывался поповскою ризой, кто женскою юпкой, кто шалью. Страшно было на нихъ взглянуть. Онъ имъ обѣщалъ что въ Смоленскѣ приготовлены ночлегъ и провіантъ, и они уже черезъ силу сюда добрались—думали, сердечные, что хоть здѣсь отдохнутъ. При входѣ въ городъ, все мѣсто отъ Московской заставы до Днѣпра было уставлено фурами, пушками, и всѣмъ добромъ что̀ награбили въ Москвѣ. Вездѣ валялись ручное оружіе, маленькіе и большіе сундуки. Между ними бродили Французы что̀ тѣни какія. Иные тутъ же падали отъ устали да голода и умирали. То разведутъ они костры погрѣться, сядутъ около нихъ; а который ужь по слабости упадетъ головой въ огонь, да ужъ и не встанетъ.

Наши войска гнали Французскую армію и остановились за Днѣпромъ. Наполеонъ взорвалъ кремль въ Москвѣ; знали что онъ не пощадитъ и Смоленска: наши и ждали что̀ будетъ? А жители-то города, какъ вступила непріятельская армія, попрятались въ погреба и въ подвалы; многіе тоже ушли за Днѣпръ къ своимъ. И мы туда же. Помню, подходимъ къ

Днѣпру, и видимъ: на томъ берегу два Француза, должно-быть отстали отъ своихъ, и пробуютъ палкой крѣпокъ ли ледъ на рѣкѣ. Наши казаки на нихъ гикнули; а они, горемычные, бросились бѣжать по льду, да кажется, не далеко ушли...

Наполеонъ пробылъ въ Смоленскѣ три дня; и какъ ушелъ, оставилъ тутъ маршала своего Нея; а Ней подвелъ подкопы подъ крѣпостныя стѣны, а самъ убрался поскорѣй до взрыва.

Мы за Днѣпромъ пріютились въ банѣ, и ночевали на палатяхъ. Въ ночь съ 4 на 5 ноября, часу во второмъ, раздался вдругъ громъ, да такой что мы всѣ съ палатей слетѣли и выбѣжали на дворъ: думали свѣта преставленіе. А казаки говорятъ: „это онъ, злодѣй, взорвалъ стѣны". Потомъ стали гремѣть взрывъ за взрывомъ, и одиннадцать крѣпостныхъ башенъ да королевскій бастіонъ взлетѣли на воздухъ и во многихъ мѣстахъ загорѣлся опять городъ. Погибло много нашихъ; да, сказывали, тысячи двѣ больныхъ и раненыхъ непріятелей. Ней не могъ ихъ увезти съ собой.

Утромъ, которыхъ изъ нашихъ Господь сохранилъ, вышли изъ своихъ норъ и видятъ что бродятъ Французы среди развалинъ. Они не ушли за своими и грабили наше послѣднее добро. Не вспомнилъ себя народъ, остервенился и ринулся на непріятелей. Ихъ бросали въ огонь, или въ Днѣпръ съ высоты береговъ. Они, несчастные, кричатъ, и наши кричатъ, а пожаръ все разгорается. Просто адъ кромѣшный кипѣлъ на улицахъ.

На счастіе Французовъ, наше войско вошло объ эту пору въ городъ и ввезли икону Божіей Матери что̀ взяли съ собой когда Наполеонъ овладѣлъ Смоленскомъ. Въ одну минуту разнеслась по городу вѣсть что Заступница вернулась къ намъ и что будутъ служить ей молебенъ на площади. Тутъ забыли всякую злобу: было ужь не до Французовъ, и народъ хлынулъ на площадь, всѣ опустились на колѣни и зарыдали. Не слыхать даже было словъ молитвы... Да не разказать что̀ тогда было.

Наша армія пошла вслѣдъ за Наполеономъ. Отъ него отстало бездна Французовъ, и стали они бродить по окрестностямъ и грабить. Въ самомъ Смоленскѣ ихъ оказалось тысячи двѣ. Перекусить-то имъ нечего, морозъ стоитъ сильный, вотъ и бросались они всюду за поживой. Мало того что грабили они окрестности да дома что̀ въ городѣ уцѣлѣли, а то что̀ еще выдумали: стоитъ гдѣ пустая избушка, они въ

нее войдутъ, разложатъ огонь среди пола, сядутъ и грѣются; а какъ ужь огонь разгорится,—уйдутъ. Ужь тутъ народъ на нихъ возсталъ, и били ихъ безъ жалости: вѣдь всякій заступался за себя, да за своихъ. Былъ у насъ сосѣдъ, мѣщанинъ—Василій Ѳокичъ. Онъ жилъ съ сыномъ, и силачъ былъ, да и сынъ-то въ него. И не перечтешь сколько они непріятелей истребили. Заберутся куда непрошеные гости, да станутъ нашихъ забижать, лишь бы только не далеко отъ Василья Ѳокича; кто-нибудь до него добѣжитъ, и онъ сейчасъ явится съ тесакомъ, а сынъ-то съ жердью, и тутъ же расправа. Онъ вдвоемъ съ сыномъ не побоялись бы человѣкъ на двадцать пойти.

До сихъ поръ мучитъ меня совѣсть какъ я вспомню что̀ со мной случилось. Привыкли мы, дѣти, видѣть какъ бьютъ несчастныхъ, и жалость даже въ насъ притупилась. Вотъ разъ иду я по улицѣ съ другимъ мальчикомъ, тоже моихъ лѣтъ, и видимъ мы Француза. Большой стоялъ холодъ: у бѣднаго зубъ на зубъ не попадалъ. Одна нога у него въ башмакѣ, а другая совсѣмъ босая. Подалъ онъ намъ тряпку и сталъ объяснять чтобы мы ему ногу обернули, потому что у самого-то руки отъ стужи окоченѣли. Не пожалѣли мы о немъ, да еще на бѣду лежали тутъ прутья. Мы ихъ схватили да и погнали его передъ собой.

Да, слава Богу, это недолго продолжалось; къ намъ скорехонько вернулась полиція и завелся опять порядокъ. На рынки стали привозить хлѣбъ, а Французовъ разослали по разнымъ городамъ.

VI.

Разказъ солдата Осипа Антонова.

Доживаю я восемьдесятъ шестой годъ. Послѣ Француза въ рекруты попалъ, на Турку ходилъ, и мало ли что̀ на моемъ вѣку было. Многое я перезабылъ, а Французскій годъ помню. Были мы тогда крѣпостными Маріи Ѳедоровны Аршеневской, деревни Большая Наготь, въ 12 верстахъ отъ Смоленска; а семейства у меня только и было что отецъ, да двое дядей. Какъ прошелъ слухъ что идетъ на насъ Бонапартъ, барыня уѣхала, а мы стали свое добро въ землю закапывать. Этимъ годомъ такой былъ урожай какого я ужь и не запомню. Молотили мы наскоро рожь, насыпали въ ящики, и ихъ тоже закапывали.

Приказано намъ было отъ начальства сухари готовить для арміи, и доставлять въ города. Послали меня въ Рославль съ сухарями, а Рославль-то отъ насъ цѣлыхъ сто двадцать верстъ. Сдалъ я сухари, а у меня еще телѣгу съ лошадью взяли: всю заготовленную провизію надо было дальше доставлять, а лошадей не хватало, такъ и брали у кого попало.

Ну, пришлось мнѣ пѣшкомъ плестись домой. Дѣло-то было въ самое Преображеніе. Отошелъ я верстъ двадцать, и вижу ко мнѣ на встрѣчу цѣлая тьма военныхъ, и мундиры не наши. Значитъ Французы. Очень я сробѣлъ; около дороги стоялъ лѣсъ; я до него и добѣжалъ и спрятался за березку. Французы меня увидали, и двое подошли ко мнѣ. Лепечатъ что-то по своему: бонъ! бонъ! А я имъ показываю что ничего у меня нѣтъ. Они меня по плечу потрепали, и махнули рукой чтобъ я шелъ куда хочу.

Какъ убрались они, я себѣ и думаю: нѣтъ ужъ большой дорогой не пойду; хорошо что Господь спасъ, а въ другой разъ можетъ они меня живаго изъ рукъ не выпустятъ. И пошелъ я, гдѣ лѣсомъ, гдѣ ржами; увижу деревушку—туда. Дадутъ мнѣ Христовымъ именемъ что̀ перекусить,—отдохну, и опять въ путь.

Стали сказывать по дорогѣ что было подъ Смоленскомъ большое сраженіе и что Смоленскъ взятъ. Иду я и думаю: какъ бы непрошенные гости до нашей Наготи не добрались. Прихожу: а Наготь вся выгорѣла; стоятъ одни черные столбы, да уголья дымятся, и ни души не видать. Замерло у меня сердце и поплакалъ я, признаться. Думаю: должно-быть мужички не далеко; и бросился въ лѣсъ. Стоялъ онъ не больше версты отъ деревни. Такъ и есть. Всѣ туда забрались. И сказываютъ мнѣ что пришли къ нимъ вдругъ Французы, и стали всюду заглядывать. Видятъ ульи у одного мужика; и захотѣлось имъ медку. Сами должно-быть съ нимъ не обращались, не знаютъ какъ его достать. У нашихъ-то не спросили; да вздумали сдуру подложить огня подъ ульи чтобы пчелъ выгнать. Тутъ на бѣду поднялся вѣтеръ, занялся плетень, и вспыхнуло все село. Наши что̀ могли повыхватали изъ избъ, да бѣжали въ лѣсъ, и Французы тоже сробѣли и убрались.

Хорошо еще что этимъ временемъ наша скотина была въ полѣ. Загнали ее въ лѣсъ, и стали со дня на день перебиваться. Хлѣбъ что̀ у насъ въ ямахъ былъ насыпанъ мы не

трогали; а пойдемъ маленько бывало нажнемъ который еще въ полѣ стоялъ, и смелемъ его; у насъ въ лѣсу были два жернова. Какъ смололи,—разложимъ огонь и напечемъ себѣ лепешекъ. Опять же въ этотъ годъ не на одинъ хлѣбъ, а на все былъ неслыханный урожай, и яблокъ было у насъ въ волю.

Съ самаго-то начала послѣ взятія Смоленска явились къ намъ два французскіе начальника и жили въ господской усадьбѣ, такъ какъ она не сгорѣла, и не позволяли они своимъ грабить. Усадьба-то отъ лѣса не больше была какъ въ верстѣ; и лишь бывало увидимъ мы издали Французовъ, сейчасъ человѣка два пустятся къ усадьбѣ бѣжать. Поклонишься начальникамъ-то ихъ, объяснишь имъ что „мусье, молъ, мы боимся что твои не *бонъ*“, и показываешь имъ на лѣсъ. И они тотчасъ пойдутъ за нами и не позволятъ своимъ грабить.

Они вишь хотѣли, на первыхъ порахъ, въ ладахъ съ нами жить, и приказалъ Бонапартъ скупать хлѣбъ въ Смоленской губерніи, а не то чтобъ его отымали. А у насъ возстали многія деревни: „съ чего это, говорятъ, взялъ супостатъ что мы будемъ ему провіантъ поставлять?..“ Да какъ бывало покажутся Французы, такъ на нихъ выйдутъ съ вилами, да съ топорами. Въ иныхъ селахъ сами помѣщики водили крестьянъ на врага. Неподалеку отъ насъ было село Бердилово, помѣщика Павла Ивановича Энгельгардта. Такъ онъ тоже со своими мужиками на Француза ходилъ. Что себя, что сосѣдей, отъ нихъ отстаивалъ. Да на бѣду схватили его въ одной стычкѣ непріятели. Крестьяне какъ ни пытались за него заступиться,—не удалось. Видно у него на роду было написано что погибнетъ онъ отъ вражьей руки. Отвезли его въ Смоленскъ. Тамъ Бонапартъ свою полицію оставилъ; и начальникъ-то тамошній уговаривалъ Павла Ивановича чтобъ онъ къ нимъ на службу поступилъ.. А Павелъ Ивановичъ говорилъ: „это, говоритъ, дѣло несбыточное, потому: я служу своему Царю, Православному“. Они отвели его, супостаты, въ крѣпостной валъ, да тамъ его и разстрѣляли. Всѣ объ немъ жалѣли. Царство ему небесное! Добрый былъ баринъ.

Плохо пришлось Французамъ; купить-то хлѣба негдѣ, а грабить-то не всегда удавалось. Прислали казаковъ въ нашъ уѣздъ, и зорко они наблюдали за непрошеными гостями. Пріѣдутъ, бывало, Французы куда на гумно, и насыпятъ

себѣ хлѣба въ телѣгу, а казаки ихъ увидятъ и ужь не выпустятъ живыми изъ рукъ. Разъ была у насъ на селѣ кровавая стычка; много Французовъ пало, да нашихъ два казака. А было ихъ, казаковъ-то, пять родныхъ братьевъ. Трое что остались въ живыхъ вырыли яму въ полѣ и похоронили убитыхъ. Стали ихъ землей засыпать и говорятъ: „Царство вамъ небесное, братцы, а мы за васъ расплатимся". И точно расплатились. Въ тотъ же день пришло опять шесть человѣкъ Французовъ. Казаки ихъ загнали въ сторожку что стояла неподалеку отъ усадьбы, да воткнули соломы на пики, зажгли ее и бросили на крышу, а она была тоже соломенная. Какъ загорѣлась сторожка Французы-то хотѣли вылѣзти, а они ихъ пиками. Такъ и сожгли ихъ. Вотъ и крещеные, а какой грѣхъ на душу взяли что безо всякой жалости истязали ихъ, сердечныхъ.

Какъ наступили большіе холода, вернулись мы на село и жили на господскомъ гумнѣ. Затопимъ овинъ, да около его и грѣемся. Ужь мы въ это время Французовъ не боялись. Видѣли что имъ не сдобровать. Придутъ бывало худые, испитые, и все оглядываются,—казаковъ боялись. Еще мы же иной разъ сунемъ какой-нибудь кусокъ бѣдняжкамъ,—та же милостыня.

Въ началѣ ноября очистили Смоленскъ, а тамъ ужь и гнали ихъ вплоть до нашей границы. Господа скоро къ намъ вернулись и насъ отстроили. У насъ добрые были господа. Я ужь давно отъ нихъ отошелъ, а до сихъ поръ ихъ на молитвѣ поминаю.

Т. ТОЛЫЧЕВА.

